

Елизавета Балацук

«ДОПУСТИМ, ДОЛЖЕН ЛИ МУЖЧИНА БЫТЬ НЕЖНЫМ?»: МОДЕЛИ МАСКУЛИННОСТИ СРЕДИ МОЛОДЫХ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В статье поднимается вопрос о нормативных моделях маскулинности молодых евангельских христиан Санкт-Петербурга. Вовлеченность евангеликов в глобальные процессы по пересмотру гендерных норм и их неконвенциональная религиозная идентичность в контексте постсоветского пространства могут отражаться в том, какие представления о гендерной идентичности ими разделяются и воспроизводятся. В рамках своей гендерной идентичности молодые евангелики могут выстраивать отличные от секулярных гегемонных моделей образы мужественности. Анализ субъективных смыслов, которые вкладывают молодые евангелики в понимание мужественности, позволяет раскрыть вопрос о производимых в их среде идеалах маскулинности. Эмпирической базой для анализа в рамках качественной социологической парадигмы стали двадцать полуструктурированных интервью с молодыми евангельскими христианами Санкт-Петербурга, относящимися к новым течениям пятидесятников, харизматов и баптистов. Выделены три модели маскулинности, воплощающие гетерогенность представлений о мужественности среди молодых евангеликов – «гибридная христианская мужественность», «консервативная христианская мужественность» и «эгалитарная христианская мужественность». Общими элементами этих моделей выступили гетеронормативность, поддержание гендерной бинарности и эссенциалистского понимания категорий пола и гендера. Отличительные черты этих моделей выражаются в тех личностных качествах, которые являются ценными и важными для понимания ими мужественности – отказ от рискованного поведения и сексуальной активности, ценность эмпатии и эмоциональности, включенность в семейную

Елизавета Сергеевна Балацук – аспирант Департамента социологии, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения; стажер-исследователь, Центр молодежных исследований, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: eabalatsyuk@hse.ru

сферу и домашний быт. При этом все модели маскулинности производятся в тесной связи с властной позицией над феминностью. Выделенные модели маскулинности могут быть отнесены к формам гибридной маскулинности, для которой характерно сочетание элементов гендерной иерархии с неконвенциональными для гегемонной модели маскулинности чертами. Соединение в нормативной гендерной идентичности властной позиции с принятием таких черт, как эмпатия, ненасилие, отказ от рискованного поведения и сексуальной активности вне брака связано с ориентацией информантов на христианские нормы.

Ключевые слова: маскулинность, евангельские христиане, гендерная идентичность, гибридная маскулинность, модели маскулинности

DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-4-613-628

Евангельские христиане в контексте их религиозной идентичности

Гендерные нормы, производимые в религиозной среде, могут представлять собой альтернативу секулярным представлениям о гендере, что объясняет их специфику и интерес к изучению. Этот дискурс, представление о верующем как о культурном Другом, поддерживает тенденцию противопоставления религиозного и секулярного (Дубовка 2020). Такое противопоставление может усиливаться, особенно когда религиозная группа не соответствует конвенциональным представлениям о верующих в данном обществе, что характерно для российских евангельских христиан.

Евангелики являются одним из направлений протестантизма, активно развивающимся на постсоветском пространстве (Каргина 2014). Это гетерогенная группа, объединяющая множество различных церквей, у которых общими чертами являются признание Библии в качестве основного источника вероучения и буквальное следование ее указаниям в повседневной жизни. С конца XX в. в России принадлежность к протестантам стала определяться не только этничностью, как это было в случае с лютеранством, но и индивидуальным выбором человека. Это стало характерной особенностью движений евангельских христиан с их поиском альтернативных форм духовности (Divisenko et al. 2021). Для харизматических церквей – протестантов, верящих в Дары Святого Духа и их проявление у любого верующего, – неотъемлемой частью проекта религиозной идентичности становится ориентация на индивидуализм и личностный рост в духовном пути (Кормина 2013). Альтернативный характер религиозности евангеликов может не соответствовать конвенциональным представлениям о христианстве в российском обществе, что порождает дискурсы об их «несерьезности» и даже «опасности» (Панченко 2013). Внешняя маркировка евангеликов как культурного Другого происходит и в контексте их религиозной альтернативности православию, и в контексте их непринадлежности

светской культуре, что определяет символические границы их идентичности и усиливает статус инаковости в обществе.

Дискурс об инаковости собственной идентичности поддерживается верующими, которые отделяют свой образ жизни от норм секулярного мира. Жизненные выборы и действия евангеликов совершаются с опорой на библейские тексты, через которые они осмысливают и оценивают современные обстоятельства. Такие выборы не обязательно предполагают противопоставление себя светской культуре, но подразумевают осознание собственной принадлежности к иной традиции (Gallagher 2003).

Утверждение самих верующих о моральных и этических различиях между их и господствующей секулярной культурой определяют возможные границы гендера и сексуальности в религиозных группах. Религия устанавливает различия между идеальными и стигматизированными гендерными ролями, нормами и сексуальными идентичностями (Tranby, Zulkowski 2012). Отличные от светских, границы гендера и сексуальности формируются верующими также через представления о взаимоотношениях мужчин и женщин в романтических отношениях, где идеальная модель предполагает общую преданность партнеров религиозной общине, а не описывается в категориях личных чувств (Irby 2014). Среди евангельских христиан распространены декларирование мужского главенства, представления о библейской «природе» мужчины и женщины, а также последовательное следование библейским императивам как наиболее авторитетным. Однако в этой среде также отмечается адаптивность к широким тенденциям в сфере гендера и признание эгалитарных норм маскулинности (Van Klinken 2011). Иными словами, санкционированные «библейские» нормы гендера могут переосмысливаться и интерпретироваться самими верующими и включать секулярные представления о гендерных нормах.

Христианская маскулинность

Гендер концептуализируется как институциональная и интерактивная деятельность человека, где различные виды поведения оцениваются по гендерному признаку как «мужские» и «женские» (Уэст, Зиммерман 2000). В этом контексте «женскому» в культуре присваивается «второсортный» статус по сравнению с «мужским»: тело женщины рассматривается как более близкое к природе, а женская роль представляется как лишенная социального и культурного характера (Ortner 1972). Такая концепция устанавливает символическую границу между мужским и женским, придавая маскулинности и феминности разные властные позиции в культуре.

Конструирование норм маскулинности происходит в контексте властных отношений, где «мужское» выделяется через противопоставление сексуально и расово отличающимся от установленных стандартов мужчинам и женщинам (Киммел 2008). В гендерной иерархии властная

позиция над остальными проявляется в образе идеальной, «гегемонной» модели маскулинности. В западных обществах такой образ характеризуется чертами конкурентноспособности, эмоциональной сдержанности, властью, рискованным поведением, гетеросексуальностью, сексуальным опытом (Talbot, Quaule 2010). Такой образец занимает гегемонную позицию в отношении других маскулинностей и в российском обществе, где ценности сместились в сторону индивидуализма и экономической успешности (Walker 2022). В современном обществе происходит трансформация и переосмысление стандартов и норм маскулинности. Примером таких изменений в гендерных нормах может служить концепция «гибридной маскулинности», которая предполагает гибкое сочетание различных элементов моделей маскулинности и феминности в гендерной идентичности (Bridges, Pascoe 2014). Одним из примеров такой модели мужественности может быть маскулинность евангеликов.

Идентификация себя в качестве евангелика предполагает усвоение верующими нового габитуса, идущим вразрез с секулярными нормами мужественности. Например, это включает отказ от рискованного поведения и активной сексуальной жизни (Thornton 2018). Гендерные установки выступают здесь символической границей между секулярным миром и миром евангеликов. Выстраиваемые границы маскулинности обсуждаемы и гибки: евангелики могут разделять идею бинарности гендера, наделять феминность подчиненным характером, но при этом на уровне практик могут возникать противоречия с нормативными установками. Например, некоторые мужчины евангелики сглаживают моральные диссонансы между христианской этикой и просмотром порнографии через определение мужской сексуальности как естественной, в отличие от женских сексуальных желаний, которые всегда патологичны (Burke, Haltom 2020). В российском контексте гендерные нормы евангельских христиан ассоциируются с традиционной маскулинностью из-за их консервативных взглядов на сексуальную жизнь и поддержание гетеронормативности (Созаев 2013). Несмотря на схожесть в гендерных установках с другими российскими религиозными консервативными группами, такими как православные, среди российских евангеликов можно выделить церкви с более либеральными взглядами, которые проявляют большую гибкость и свободу в отношении положения женщин (Клюева 2013).

Своеобразный гибридный характер маскулинности в среде евангельских христиан, а также внутреннее противопоставление секулярным моделям мужественности, определяют специфику выстраиваемых гендерных норм в данной группе. Это ставит вопрос о том, какую нормативную модель маскулинности определяет для себя молодое поколение российских евангельских христиан, в контексте их альтернативной религиозной идентичности и включенности в современные процессы переосмотра гендерных норм в религиозной и светской среде.

Методология

Для проведения исследования выбрана качественная методология: полуструктурированные интервью. Сбор (20) осуществлялся в период с декабря 2020 по март 2021 гг.

Фокус на молодых мужчинах-евангеликах связан с тем, что конструируемые ими смыслы собственной маскулинности могут отличаться от понимания этой категории старшим поколением, поскольку молодые люди активнее вовлечены в процесс изменения гендерных норм в современном обществе (Nayak, Kehily 2013). Критерием выборки является самоидентификация информанта с одной из церквей евангельских христиан. Информантами стали молодые мужчины в возрасте от 19 до 29 лет. Среди них десять человек относят себя к пятидесятникам, четверо – к новым баптистам, шестеро – к харизматам. Большинство информантов внутри христианского сообщества активно включены в служение, включая пасторство, участие в службах и благотворительных мероприятиях церкви, только один информант посещал церковь нерегулярно. Выборка включает представителей городской молодежи среднего достатка. Религиозный бэкграунд участников разнообразен: некоторые определили себя как «ДВР-овцы» – дети верующих родителей. Трое выросли в неверующих семьях и стали посещать церковь самостоятельно. Пятеро мужчин состояли в браке, у четверых есть дети. Один из информантов помолвлен. Остальные молодые евангелики не имели длительных романтических отношений. Свою сексуальную ориентацию информанты определяли как гетеросексуальную.

Эмпирические данные проанализированы с использованием методов тематического анализа. Из полученных данных выделялись такие ключевые темы, как мужественность, качества мужчины, религиозная идентичность, коммуникация с мужчинами и женщинами, гендерные различия. Также для анализа использовались процедуры обоснованной теории, предложенные А. Страусом и Дж. Корбином (2001), такие как открытое построчное кодирование (1), применяемое для каждого интервью отдельно, и осевое кодирование (2), совмещающее выделенные коды из шести интервью и последующее их объединение в общие категории.

Нормативные модели маскулинности евангельских христиан

Молодые евангельские христиане выражают гендерную идентичность в своих рассказах как комплексную концепцию, связанную с двумя важными аспектами: верой и маскулинностью. Вера конструируется через такие смыслы как связь с трансцендентным и «жизненный ориентир». Она служит фундаментом для формирования мировоззрения и повседневной жизни, включая вопросы, связанные с пониманием гендерных норм и ролей.

Большинство информантов разделяет положение христианской антропологии, согласно которой человек был сотворен определенным образом – его пол является неизменным и обуславливает гендерную идентичность. Гендерная роль рассматривается как детерминированная категория, предполагающая, что мужчины играют главенствующую роль как в семье, так и в церкви. Эта роль поддерживается путем противопоставления мужчин и женщин и определения женщин как группы, отличной от мужчин.

Молодые евангельские христиане рассматривают ответственность как ключевой элемент маскулинности. Она проявляется в способности взвешенно принимать решения, демонстрируя агентность, которая проявляется в способности взвешенно принимать решения и действовать. Другим проявлением агентности является готовность жертвовать ради других своими интересами и оказание безвозмездной заботы нуждающимся. Такая «феминная» жертвенность предполагает проявление силы и умение мужчины адекватно руководить этой заботой, направляя ее на помощь более слабым: *«...и жертва может проявляться в том, что мужчина пойдет и будет работать на нелюбимой работе по двенадцать часов ради того, чтобы его семья могла отдохнуть. Ну, я так считаю»* (M13, 19 л., харизмат).

Другой составляющей их маскулинности является гетеросексизм: единственной допустимой нормой сексуальности выступает гетеросексуальность, в то время как гомосексуальные отношения считаются «греховными». «Здоровые отношения» подразумевают отказ от любых сексуальных практик вне брака и поддержание моногамных отношений в рамках только одного брака, заключаемого на всю жизнь. Опорой в понимании норм сексуальных практик выступает Библия, преимущественно Новый завет. Это предполагает отказ от других элементов секулярной модели гегемонной маскулинности, таких как насилие и рискованное поведение. Вместо этого они выделяют «мягкие» черты маскулинности – любовь, эмпатию и вовлеченность в семейную сферу: *«И то же самое бархатные качества, это когда она начинает мыть полы, я начинаю также ей помогать, и мы вместе моем полы, для нее это был взрыв мозга, потому что ее папа не мыл полы»* (M1, 26 л., харизмат).

Эти черты маскулинности становятся нормой через образ Иисуса Христа, который воплощает божественные принципы и устанавливает стандарты, такие как смирение, любовь и эмпатия в центре модели христианской мужественности, превосходя их выше чем нормы, присущие секулярному представлению о мужественности: *«Иисус заплакал, ну он прослезился, когда там умер Лазарь, да. (...) Ну, как бы, есть слезы, ну действительно настоящие, как бы, от чувств...»* (M9, 29 л., пятидесятник).

Молодые евангелики упоминали различных библейских персонажей как образцы желаемых качеств мужчины. Ной служит примером ответственности, принимая важные решения, в то время как Иов воплощает идеал смирения. Иосиф отказывается от «блуда», а царь Давид, открыто демонстрирует свои

чувства, но сохраняет при этом роль мужчины, царя и воина. Эти образы служат идеалами маскулинности, к которым стремятся сами молодые евангелики в своем гендерном репертуаре: «*Писание рассказывает о царе Давиде, очень известная личность, который вообще просто плакал постоянно, и при этом он был замечательным воином, царем, музыкантом. Я считаю, что любые эмоции созданы Богом*» (М7, 26 л., пятидесятник).

Для информантов важным становится противопоставление секулярным образам мужественности. Молодые люди отказываются от ценностей, которые, по их мнению, преобладают в российском обществе – употребления алкоголя, курения, сексуальной активности с разными партнершами вне брака, насилия в отношении женщин. Разнообразные интерпретации и содержание, вкладываемое молодыми евангелистами в представление о мужественности, а также их взаимодействие с окружающим миром, позволяет выделить несколько моделей маскулинности: «консервативную христианскую мужественность», «эгалитарную христианскую мужественность» и «гибридную христианскую мужественность». Эти модели обладают общими чертами, включая бинарное видение гендера и его детерминированности в рамках «божественного замысла», но при этом имеют и ряд отличий.

Модель «консервативной христианской мужественности» характеризуется эмоциональной сдержанностью, рациональностью и строгостью. Евангелисты, придерживающиеся данной модели, ориентируются на библейские нормы и отвергают светские установки. Они воспринимают гендерную роль мужчины через воплощение своего «главенства» в отношении женщин. Это проявляется в защите и заботе о близких, а также в роли «духовного лидера» – репрезентацией правильного образа христианской жизни на практике: «... писание говорит о том, что один из апостолов пишет: «*Братья, не делайтесь учителями*», и слово «*братья*» апостол Павел, вроде бы, использует как мужчину. Ну, то есть, это явно говорит про мужчин» (М1, 26 л., харизмат).

Семья рассматривается как основополагающая ценность. Информанты определяют ее либо как цель в будущем, либо уже состоят в моногамном гетеросексуальном браке. Характерно стремление участвовать в вопросах воспитания ребенка, чтобы привить ему «правильные» представления о гендерных ролях и качествах.

Многие молодые евангельские христиане придерживаются убеждения о допустимости сексуальных отношений исключительно в рамках брака. Апеллируя к библейским нормам, эти мужчины определяют свою сексуальность через моногамию, поддержание гетеросексуальности, воздержание от сексуального опыта до брака, отрицательное отношение к мастурбации и просмотру порнографии: «*Когда человек, там, спит налево-направо со всеми, то тогда ценность вот этого сокровенного такого секса сразу пропадает. И мы как понимаем, что вот человек женится, и только тогда. Тогда вот в браке он имеет вот эти... половые отношения*» (М2, 22 г., баптист).

Молодые евангелики, придерживающиеся данной модели маскулинности, противопоставляют мужчин и женщин как две неравнозначные социальные группы. Информанты могут разделять позицию активного и вовлеченного отцовства, при этом роль отца воспринимается как воспроизводство практик, служащих образцом и эталоном для близких.

В рамках модели «эгалитарной христианской мужественности» молодые евангельские христиане характеризуют себя как людей, способных открыто проявлять свои эмоции и чувства. Это обосновывается как важностью эмоций в рамках божественного замысла, так и влиянием эмоционального состояния на здоровье человека. Для данной модели маскулинности характерно совмещение христианского дискурса с некоторыми секулярными установками в сфере гендера. Среди этих мужчин считается нормальным признавать свои слабые стороны, проявлять уязвимость перед близкими людьми: *«То есть я могу прослезиться перед женой. Да, вообще только единственная, перед кем я и могу это сделать, на самом деле. Перед Богом, перед женой только»* (М7, 26 л., пятидесятник).

Второй важной составляющей данной модели является восприятие женщины как равноценного мужчине субъекта. Это выражается в стремлении поддерживать равноправные отношения со своей супругой или предполагаемой партнершей, в ценности дружеских отношений с женщинами, в которых ценятся такие качества как целеустремленность, высокий уровень интеллекта и независимость: *«Мне интересны девушки как... Ну, извини, у меня встает только на интересных и целеустремленных, которые хотят... которые не бояться шутить»* (М4, 22 г., пятидесятник).

Еще одним аспектом данной модели маскулинности является выведение секса из сферы духовного опыта. Некоторые информанты признавали возможность мастурбации и секса вне брака, как для мужчин, так и для женщин. Секс в рамках постоянных отношений с партнершей рассматривается как естественная человеческая потребность, несущая удовольствие и чувство близости, и не имеющая негативных последствий.

Среди евангеликов, относящихся к данной модели, отмечается отказ от таких проявлений гегемонной маскулинности, как стремление к конкуренции и проявление насилия. Особенно ценными качествами мужчины становятся эмпатия, способность к сопереживанию, проявление любви и заботы. Эти качества не маркируются как «мужские» или «женские», а подчеркивается их равная значимость как для мужчин, так для и женщин: *«Мне хочется еще больше испытывать чувство эмпатии, то есть сопереживать человеку, но при этом не истощаться самому»* (М7, 26 л., пятидесятник).

Сама категория гендера воспринимается в рамках гетеронормативности и бинарной гендерной системы. В одном случае гендер может рассматриваться как «теологический эссенциализм», то есть определяться как божественная данность. В другом случае он может восприниматься как неизменные биологические характеристики, проявляющиеся через

смешение секулярного и религиозного дискурсов: *«Есть, опять же, физические чисто различия, которые, допустим, усложняют какие-то моменты для женщины или для мужчины, да. То есть допустим, женщина, если рожает, то это... на нее очень огромную ответственность возлагает»* (М16, 20 л., пятидесятник).

В рамках эгалитарной модели мужественности сексуальные нормы определяются с учетом гетеронормативности. Когда речь заходит об оценке гомосексуальных отношений, как «неестественных» и «греховных», информанты отказываются считать себя «гомофобами», которые ассоциируются с насилием и страхом. Двое из информантов выразили нейтральную позицию в отношении гомосексуальности, не считая ее сексуальной девиацией: *«Мы не должны переубеждать человека в том, что он гетеросексуал [имелось в виду, что гомосексуал], но это говорит о том, что... с христианской позиции, в контексте церкви, мы должны помогать человеку не впасть в этот грех и проходить этот путь рядом с ним»* (М16, 20 л., пятидесятник).

Данная модель маскулинности демонстрирует неоднозначность представлений о мужественности среди евангеликов. Она включает в себя стремление к равноправным отношениям с супругой или партнершей, эмоциональную открытость, признание важности эмпатии и рассматривает женщину как равнозначного субъекта. Поддержание концепции эссенциализма гендерной идентичности основано не только на ссылках на Библию, но и на биологическом детерминизме.

Третья модель – «гибридная христианская маскулинность» – занимает промежуточное положение между первыми двумя моделями. Это связано с тем, что молодые евангелики, придерживающиеся этой модели, сочетают элементы консервативной мужественности с эгалитарными взглядами на гендер. Они рассматривают мужское как противоположность женскому, что объясняется как «божественным замыслом», так и биологическими и психологическими факторами. С другой стороны, отношение к социальным ролям в этой модели более вариативно. Мужское главенство не оспаривается, однако некоторые общественные установки проблематизируются. Это касается полного обеспечения семьи или супруги, проявления силы в любом контексте и эмоциональной сдержанности. Здесь для мужчин важны не только ответственность, лидерство и целеустремленность, но и способность выражать свои чувства, оказывать поддержку близким. Эти «мягкие» качества могут видеться как «женское» начало, присутствующее в каждом человеке, что показывает сохранение гендерной бинарности: *«Допустим, должен ли мужчина быть нежным? При определенных обстоятельствах, естественно, да. Ну, типа, стремно быть с человеком, в целом даже, ну типа если, э-э, говорить не про женщину, а в плане вообще про человека, у которого отсутствует эмпатия. Который типа такой мужлан»* (М17, 21 г., пятидесятник).

В отличие от «консервативной», в «гибридной» модели предполагается более толерантное отношение к нарушению различных христианских

установок в собственной жизни – к сексуальному опыту вне брака, мастурбации и употреблению психоактивных веществ. Информанты признают важность и правильность установленных в христианском обществе запретов на такие действия, однако они нормализуют их нарушение, считая подобные поступки редкими и безопасными для себя: *«Я бы не сказал, что это [мастурбация] супер-смертный грех, хотя который влечет за собой психологическую зависимость, если это будет как способ убежать от каких-то проблем, да, вот это, есть такое дело»* (M15, 29 л., баптист).

Для «гибридной христианской» мужественности характерно совмещение гегемонных черт с элементами «мягкой» маскулинности, а также более гибкий подход в соблюдении различных христианских норм поведения, которые информанты сводят к сфере личного выбора.

Заключение

В российском обществе среди религиозных групп происходит процесс реконструкции новых смыслов и производства альтернативной идентичности. Это характерно и для евангельских христиан, чьи обычаи и практики часто не соответствуют традиционным представлениям о религии в российском обществе. При этом евангелики вовлечены в широкие социальные тенденции, связанные с изменением гендерных норм. Зарубежные исследователи отмечают процесс пересмотра представлений о маскулинности среди евангельских христиан в соответствии с социально-экономическими, политическими и культурными реалиями. При этом консервативные представления о мужественности частично сохраняются. Глобальные изменения в представлениях о мужественности и внутренняя адаптация евангеликов к секулярным гендерным нормам трансформируют нормативную модель маскулинности среди молодых российских евангельских христиан.

Концепция маскулинности включает в себя создание иерархии властных отношений как над другими мужчинами, так и над женщинами. Мужественность может варьироваться благодаря включению элементов различных моделей мужественности и отказу от определенных норм гегемонной маскулинности, в зависимости от контекста. Такой процесс конструирования маскулинности характерен для ее гибридных форм, к которым относятся и представления о мужественности евангельских христиан. Маскулинность у молодых евангельских христиан Санкт-Петербурга представляется как многообразие возможных моделей, репрезентируемых в обществе. Молодые евангелики активно формируют и корректируют компоненты своей христианской маскулинности на основе собственного выбора, исключая или принимая те аспекты, которые считают соответствующими. Они концептуализируют свою маскулинность в противопоставлении к секулярным моделям мужественности. При этом гендерная идентичность для них детерминирована, а гендерная бинарность возводится к «божественному

замыслу». Ключевыми элементами маскулинности становится концепции «главенства» и «ответственности». Они связаны с представлением о мужчине как более «сильном» индивидууме. Проявление этих качеств означает демонстрацию собственной агентной позиции, однако эта агентность также включает в себя и идею «жертвенности» – готовность служить окружающим и помогать «слабым». Таким образом формируется новое христианское понимание мужского лидерства.

Для молодых евангелистов маскулинность также включает в себя поддержание гетеросексуальности. Они негативно относятся к гомосексуальным отношениям, которые в их нарративах, скорее, маргинализуются. Несмотря на различные точки зрения на сексуальность среди информантов, в целом они придерживаются идеала воздержания от активной сексуальной жизни вне брака, в чем видят свое отличие от секулярной модели маскулинности. Отрицают такие аспекты гегемонной маскулинности, как насилие и рискованное поведение, и вместо этого принимают «мягкую» маскулинность, включающую проявление любви и эмпатии, ценность эмоций и активное участие в семейной жизни (активное отцовство и помощь по дому). Эти качества, рассматриваемые как мужские, переопределяются с помощью обращения к образу Иисуса Христа, которому приписываются такие качества, как жертвенность, смирение, ненасилие, любовь. Задаваемые им «божественные» нормы ставятся выше, чем нормы секулярного мира, в том числе в отношении мужского поведения.

По представлениям евангеликов, библейские персонажи служат примером и становятся образцами мужественности. В их гендерных убеждениях значимыми являются персонажи из Библии, такие как Ной, Иов, Иосиф, царь Давид, чьи поступки и качества отождествляются с идеалами мужественности для данной группы. С другой стороны, эти образы мужественности противопоставляются секулярным представлениям о мужественности в России, в рамках которых считается типичным иметь сексуальную жизнь вне брака, проявлять насилие в отношениях и практиковать рискованное поведение, что не соответствует идеалам, поддерживаемым молодыми евангеликами.

Опираясь на представления молодых евангельских христиан, выделим три нормативные модели маскулинности: «консервативная христианская мужественность», «агалитарная христианская мужественность» и «гибридная христианская мужественность». Они отличаются в том, какие качества и нормы поведения считаются важными и ценными для определения мужественности. Каждая модель представляет собой определенный набор качеств и норм, который воспринимается важными в концепции мужественности.

Данные модели маскулинности представляют собой формы смешанной маскулинности, которая сочетает элементы гендерной иерархии и бинарность полов с необычными для гегемонной маскулинности чертами, таких как ценность эмпатии, ненасилия, воздержания от сексуальной активности, акцент

на семейные ценности и воспитание детей. Совмещение позиции власти с принятием этих неконвенциональных черт, ассоциирующихся с феминностью, обусловлено ориентацией на христианские нормы. Молодые евангелики настаивают на мужественности, которая основывается на концепции любви и служении ближним: реализация в семейной сфере и родительстве, эмпатичность, забота и ненасилие по отношению к окружающим.

Список источников

Дубовка Д. (2020) *В монастырь с миром. В поисках светских корней современной духовности*. СПб.: ЕУ в СПб.

Каргина И. (2014) Влияние кризиса на протестантские конфессии в современной России. *Теория и практика общественного развития*, (2): 100–103.

Киммел М. (2008) Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности. Ш. Берд, С. Жеребкин (ред.) *Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики*. СПб.: Алетейя: 38–57.

Клюева В. (2013) Варианты религиозной карьеры женщин в пятидесятнических церквях. С. Г. Карасёва, С. И. Шатровский (ред.) *Человек и религия*. Минск: Издательский центр БГУ: 136–141.

Кормина Ж. (2013) «Гигиена сердца»: дисциплина и вера «заново рожденных» харизматических христиан. *Антропологический форум*, (18): 300–320.

Панченко А. (2013) «Священный театр», тонкости морали и обряды перехода: антропология глобального христианства в современной России. *Антропологический форум*, (18): 215–222.

Созаев В. (2013) Конструирование нормативной модели мужественности в современном консервативном христианстве. И. Н. Тартаковская (ред.) *Способы быть мужчиной. Трансформация маскулинности в XXI веке*. М.: Звенья: 263–277.

Страусс А., Корбин Дж. (2001) *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. М: Эдиториал УРСС.

Уэст К., Зиммерман Д. (2000) Создание гендера. Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина (ред.) *Хрестоматия феминистских текстов: переводы*. СПб.: Дмитрий Буланин: 193–219.

Bridges T., Pascoe C. J. (2014) Hybrid Masculinities: New Directions in the Sociology of Men and Masculinities. *Sociology Compass*, (8): 246–258.

Burke K., Haltom T. M. (2020) Created by God and Wired to Porn: Redemptive Masculinity and Gender Beliefs in Narratives of Religious Men's Pornography Addiction Recovery. *Gender & Society*, (34): 233–258.

Divisenko K., Belov A., Divisenko O. (2021) Spiritual Well-Being of Russian Orthodox and Evangelical Christians: Denominational Features. *Religions*, (12): 129–143.

Gallagher S. (2003) *Evangelical Identity and Gendered Family Life*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

- Irby C. A. (2014) Dating in Light of Christ: Young Evangelicals Negotiating Gender in the Context of Religious and Secular American Culture. *Sociology of Religion*, 75 (2): 260–283.
- Nayak A., Kehily M. J. (2013) *Gender, Youth and Culture: Young Masculinities and Femininities*. Basingstoke: Palgrave.
- Ortner S. B. (1972) Is Female to Male as Nature Is to Culture? *Feminist Studies*, (1): 5–31.
- Talbot K., Quayle M. (2010) The Perils of Being a Nice Guy: Contextual Variation in Five Young Women's Constructions of Acceptable Hegemonic and Alternative Masculinities. *Men and Masculinities*, (13): 255–278.
- Tranby E., Zulkowski S. E. (2012) Religion as Cultural Power: The Role of Religion in Influencing Americans' Symbolic Boundaries around Gender and Sexuality. *Sociology Compass*, (6): 870–882.
- Thornton B. J. (2018) Victims of Illicit Desire: Pentecostal Men of God and the Specter of Sexual Temptation. *Anthropological Quarterly*, (91): 133–171.
- Van Klinken A. S. (2011) Male Headship as Male Agency: An Alternative Understanding of a 'Patriarchal' African Pentecostal Discourse on Masculinity. *Religion and Gender*, (1): 104–124.
- Walker C. (2022) Remaking a 'Failed' Masculinity: Working-Class Young Men, Bread-winning, and Morality in Contemporary Russia. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, (29): 1474–1496.

Elizaveta Balatsyuk

**'LET'S SAY, SHOULD A MAN BE GENTLE?':
MODELS OF MASCULINITY AMONG YOUNG
EVANGELICAL CHRISTIANS IN ST. PETERSBURG**

This article raises the issue of models of masculinity supported by young evangelical Christians in St. Petersburg. The relevance of the problem is determined, on the one hand, by the context of the alternative religious identity of this Protestant denomination in the post-Soviet space, and on the other hand by the involvement of young Evangelicals in the global contexts of changing gender norms. As part of their gender identity, young evangelicals may construct images of masculinity that differ from secular hegemonic models. An analysis of the subjective meanings that young evangelicals attach to the understanding of masculinity reveals the question of the ideals of masculinity that are being produced among them. Twenty semi-structured interviews with young evangelical Christians in St Petersburg who belong to the new movements of Pentecostals, Charismatics, and Baptists provided the empirical basis for analysis within a qualitative sociological paradigm. As a result, three models of masculinity were identified that embody the heterogeneity of ideas about masculinity among young evangelicals, namely 'hybrid Christian masculinity,' 'conservative Christian masculinity,' and 'egalitarian Christian masculinity.' The common elements of these models are heteronormativity, the maintenance of the gender binary, and an essentialist understanding of the categories of sex and gender. The distinctive features of these models are expressed in the personal qualities that are valuable and important to their understanding of masculinity, i.e the value of empathy and emotionality, and inclusion in the family sphere and home life. Furthermore, all models of masculinity are produced in close relation to a position of power over femininity. Chosen models of masculinity can be classified as forms of hybrid masculinity, which is characterized by a combination of elements of the gender hierarchy with features that are non-conventional for the hegemonic model of masculinity.

Keywords: masculinity, evangelical Christians, gender identity, hybrid masculinity, models of masculinity

DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-4-613-628

References

Bridges T., Pascoe C. J. (2014) Hybrid Masculinities: New Directions in the Sociology of Men and Masculinities. *Sociology Compass*, (8): 246–258.

Elizaveta Balatsyuk – postgraduate student, Department of Sociology, St. Petersburg School of Social Sciences and Oriental Studies; Research Assistant, Center for Youth Studies, National Research University 'Higher School of Economics', St. Petersburg, Russian Federation. Email: eabalatsyuk@hse.ru

- Burke K., Haltom T. M. (2020) Created by God and Wired to Porn: Redemptive Masculinity and Gender Beliefs in Narratives of Religious Men's Pornography Addiction Recovery. *Gender & Society*, (34):233–258.
- Divisenko K., Belov A., Divisenko O. (2021) Spiritual Well-Being of Russian Orthodox and Evangelical Christians: Denominational Features. *Religions*, (12):129–143.
- Dubovka D. (2020) *V monastyr' s mirom. V poiskakh svetskikh korney sovremennoy dukhovnosti* [To the Monastery in Peace. In Search of the Secular Roots of Modern Spirituality]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Gallagher S. (2003) *Evangelical Identity and Gendered Family Life*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Irby C. A. (2014) Dating in Light of Christ: Young Evangelicals Negotiating Gender in the Context of Religious and Secular American Culture. *Sociology of Religion*, 75 (2):260–283.
- Kargina I. (2014) Vliyaniye krizisa na protestantskiye konfessii v sovremennoy Rossii [Impact of the Crisis on Protestant Confessions in Contemporary Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], (2):100–103.
- Kimmel M. (2008) Maskulinnost' kak gomofobiya: strakh, styd i molchaniye v konstruirovanii gendernoy identichnosti [Masculinity as Homophobia: Fear, Shame and Silence in the Construction of Gender Identity]. In: Sh. Berd, S. Zherebkin (eds.) *Naslazhdeniye byt' muzhchinoy: zapadnyye teorii maskulinnosti i postsovetskiye praktiki* [The Pleasure of Being a Man: Western Theories of Masculinity and Post-Soviet Practices]. Saint Petersburg: Aleteya:38–57.
- Klyueva V. (2013) Varianty religioznoy kar'yery zhenshchin v pyatidesyatnicheskikh tserkv'yakh [Religious Career Options for Women in Pentecostal Churches]. In: S. G. Karasova, S. I. Shatrovskiy (eds.). *Chelovek i religiya* [Human and Religion]. Minsk: Izdatel'skii center BGU:136–141.
- Kormina Zh. (2013) 'Gigiyena serdtsa': distsiplina i vera 'zanovo rozhdennykh' kharizmaticheskikh khristian ['Hygiene of the Heart': The Discipline and Faith of 'Reborn' Charismatic Christians]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], (18):300–320.
- Nayak A., Kehily M. J. (2013) *Gender, Youth and Culture: Young Masculinities and Femininities*. Basingstoke: Palgrave.
- Ortner S. B. (1972) Is Female to Male as Nature Is to Culture? *Feminist Studies*, (1):5–31.
- Panchenko A. (2013) 'Svyashchenny teatr,' tonkosti morali i obryady perekhoda: antropologiya global'nogo khristianstva v sovremennoy Rossii ['Sacred Theatre,' Moral Subtleties and Rites of Passage: An Anthropology of Global Christianity in Contemporary Russia]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], (18):215–222.
- Sozaev V. (2013) Konstruirovaniye normativnoy modeli muzhestvennosti v sovremennom konservativnom khristianstve [Constructing a Normative Model of Masculinity in Contemporary Conservative Christianity]. In: I. N. Tartakovskaya (ed.) *Sposoby byt' muzhchinoy. Transformatsiya maskulinnosti v XXI veke* [Ways to Be a Man. The Transformation of Masculinity in the 21st Century]. M.: Zven'ya:263–277.
- Strauss A., Corbin J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques]. M.: Editorial URSS.

- Talbot K., Quayle M. (2010) The Perils of Being a Nice Guy: Contextual Variation in Five Young Women's Constructions of Acceptable Hegemonic and Alternative Masculinities. *Men and Masculinities*, (13): 255–278.
- Tranby E., Zulkowski S. E. (2012) Religion as Cultural Power: The Role of Religion in Influencing Americans' Symbolic Boundaries around Gender and Sexuality. *Sociology Compass*, (6): 870–882.
- Thornton B. J. (2018) Victims of Illicit Desire: Pentecostal Men of God and the Specter of Sexual Temptation. *Anthropological Quarterly*, (91): 133–171.
- Van Klinken A. S. (2011) Male Headship as Male Agency: An Alternative Understanding of a 'Patriarchal' African Pentecostal Discourse on Masculinity. *Religion and Gender*, (1): 104–124.
- Walker C. (2022) Remaking a 'Failed' Masculinity: Working-Class Young Men, Bread-winning, and Morality in Contemporary Russia. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, (29): 1474–1496.
- West C., Zimmerman D. (2000) Sozdaniye gendera [The Creation of Gender]. In: E. A. Zdravomyslova, E. A. Temkina A. A. (eds.) *Khrestomatiya feministskikh tekstov: perevody* [Reader of Feminist Texts: Translations]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin: 193–219.